

АНАЛИЗ КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА,
БОРЬБЫ КЛАССОВ И ГОСУДАРСТВА

В произведениях Плеханова вопросы социальной структуры общества проанализированы как в историческом, так и теоретическом плане основательно и глубоко.

Слабым местом в социологических воззрениях Плеханова являлись некоторые вопросы, связанные с анализом государства. Это в меньшей степени относится к его более ранним произведениям, хотя и для них нередко характерна абстрактная постановка вопроса. Что касается его работ, относящихся к тому периоду, когда он встал на позиции меньшевизма, то им нередко присущи принципиальные и частные теоретические ошибки при рассмотрении указанной социологической проблемы. Там, где Плеханов в этот период пытался применить общие принципы к конкретным вопросам политики, тактики, он часто отходил от марксизма.

Исходя из основных положений марксизма, Плеханов в своих произведениях обосновывает положение о зависимости социальной структуры от экономической структуры общества. Социальную структуру он связывает непосредственно с проблемой политики классов. В своей схеме общественного развития он говорит о социально-политическом строе, понимая под последним социальную структуру и связанные с ней политические отношения, государство и партии. Социальная структура антагонистического общества, указывает Плеханов, противоречива, что находит свое выражение в борьбе классов, которая становится законом общественного развития.

В книге Л. Вольмана «Теория Дарвина и социализм», Плеханов, отмечая его ложное положение — «нор-

мальная борьба есть борьба с внешним миром, аномальная — борьба между людьми», — на полях пишет: «В борьбе классов нет ничего аномального».¹

Следуя за положениями Маркса, Плеханов устанавливает внутреннюю политическую связь между экономическими отношениями, борьбой классов и социально-политическим строем. «Чему учит нас в этом случае история?» — спрашивает он. «Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом — с другой, если только последний был поставлен в условия хоть немного благоприятные для его умственного развития».²

Плеханов отмечает, что интересы классов в социально-экономической и идеологической областях противоположны, отсюда возникает между ними борьба. Но «в исторической жизни каждого класса... бывает период, когда его „частный“ интерес есть также интерес поступательного движения и тем самым интерес *всего общества*».³ Вот этой диалектики интересов, продолжает Плеханов, не заметил Гельвеций. Это временное совпадение интересов в антагонистическом обществе возникает в период борьбы новых классов за общественный прогресс.

Плеханов довольно всесторонне ставит проблему интереса общества и класса. «Стремления различных общественных классов определяются их положением, т. е., значит, *из интересами*. Но так как классовые положения, а следовательно и классовые интересы, различны, то различны и обусловленные ими стремления».⁴ Различие классовых интересов создается ходом исторической эволюции. «Понять различие классовых интересов — значит понять ход исторического развития...».⁵ Интересы классов прежде всего определяются экономической структурой общества, производственными отношениями. Они находят свое отра-

жение в интересах как политической, так и идеологической сфер. Партии и политические группировки, организации отражают интересы классов.

Возникшее право защищает интересы классов. Плеханов замечает: «Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в *сознании* людей. Чтобы защищать известный интерес, нужно сознавать его. Поэтому всякую систему положительного права можно и должно рассматривать как продукт сознания. Не сознанием людей вызываются к существованию те интересы, которые право защищает...».⁶ Экономические интересы классов находят свое отражение в политико-правовой структуре общества.

Проблема классовой структуры общества занимает в произведениях Плеханова весьма существенное место. Он анализирует соотношение различных ее сторон, разные формы классовой борьбы. Принцип классовой борьбы как основание и движущая сила истории кладется им в основу объяснения всех общественных процессов. Касаясь, например, вопроса соотношения войны и классовой борьбы, он справедливо писал, что «только *война между классами* сможет с успехом противостоять *войне между народами*».⁷

В основе отношений классов лежат прежде всего отношения в процессе производства. Именно ими определяются их основа и различия. Отсюда следует понятие класса. «Что такое взаимные отношения классов? Это прежде всего именно те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном производительном процессе: *отношения производства*. Эти отношения находят свое выражение в политической организации общества и в политической борьбе разных классов, а эта борьба служит толчком для возникновения и развития различных *политических теорий*...».⁸

Читая книгу Ключевского «Боярская Дума в древней Руси», Плеханов останавливает свое внимание на объяснении Ключевским причин образования классов. Последний считал, что два различных процесса сопровождают это образование: в одном случае экономический, в дру-

¹ Вольфман Л. Теория Дарвина и социализм. СПб., 1900, с. 48. БДП А.1267.

² Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. I. М., 1956, с. 76.

³ Там же. Т. II. М., 1956, с. 120.

⁴ Там же. Т. IV. М., 1968, с. 600.

⁵ Там же, т. I, с. 395—396.

⁶ Там же, т. II, с. 260.

⁷ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. М., 1973, с. 75. Правда, Плеханов изменил этому положению в период империалистической войны. Приведенные слова взяты из его письма к Ж. Геду 27 октября 1912 г.

⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 650.

гом — политический. «По отношению к истории нашего общества его можно выразить в такой форме: который из двух моментов, политический или экономический, предшествовал другому в образовании наших общественных классов и всегда ли один и тот же из них шел впереди другого?». Ключевский приходил к выводу, что в истории Руси, по-видимому, господствовали смешанные процессы. Плеханов на полях стр. 10 пишет: «Неверная постановка вопроса». В своих работах он, следуя за основоположниками марксизма, анализирует экономическую основу происхождения классов, общественное разделение труда и возникновение частной собственности.

Глубоко и разносторонне Плеханов анализирует психологию господствующих эксплуататорских классов на различных этапах исторического развития. Изменение этой психологии связано с развитием классовой борьбы. «Кто же не знает, — замечает Плеханов, — что классовая борьба в западноевропейском обществе все более и более обостряется? И кто не понимает, что по этой причине защита существующего порядка должна там приобретать, в глазах господствующих классов, все большее и большее значение?»⁹

Поэтому идеология во всем своем содержании поступает на вооружение господствующего класса, стремящегося с помощью ее сохранить существующий социально-политический порядок. В предисловии к книге Г. А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» Плеханов анализирует психологию господствующего класса. Он тонко ставит вопрос о сознательном и бессознательном лицемерии идеологов господствующего класса на различных этапах его исторического развития. «Отдельной личности, — пишет Плеханов, — не нужно „сознательного лицемерия“ для того, чтобы стремиться к согласованию своих взглядов с интересами своего класса. Для этого ей достаточно искреннего убеждения в том, что данный классовый интерес совпадает с интересом целого общества. Когда возникает такое убеждение — а оно естественно возникает у отдельных лиц под влиянием окружающей их среды, — тогда самые лучшие инстинкты человека: преданность целому, самоотвержение и т. д. — предрасполагают его считать *ошибочными* те идеи, кото-

рые грозят принести с собою „ужасные следствия“ для его класса... и, наоборот, признавать *истинными* те, которые обещают *быть полезными* этому классу. Полезное для данного общественного класса является *истинным* в глазах отдельных лиц, этот класс составляющих».¹⁰ У класса эксплуататоров этот психологический процесс бессознательного лицемерия связан с сознательным лицемерием, которое увеличивается по мере того, как данный господствующий класс приближается к своему упадку.

Эти положения Плеханова приводят его к следующему заключению: «Но какова бы ни была роль сознательного или бессознательного лицемерия в психологическом процессе отождествления полезного с истинным, процесс этот неизбежен в ходе социального развития, и мы ничего не поймем в истории идей вообще и в истории философских идей в частности, если упустим это из виду».¹¹ Проблема идеологии теснейшим образом связана с социальной психологией.

Тезис Плеханова направлен против вульгарного понимания проблемы классовости в идеологии. Еще раньше, как мы помним, он выступил против вульгарной концепции Шулятикова по вопросу о связи классового интереса с содержанием философских учений.

Большое внимание Плеханов уделяет вопросу соотношения класса и политики. В борьбе с народническими концепциями Лаврова и Бакунина он раскрывает значение политической борьбы, политической власти, государства. «Если, — пишет Плеханов, — несмотря на полное несходство в других отношениях, все классы, ведущие сознательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство, то ясно, что политический строй общества представляет собой далеко не безразличное условие для их развития. А если мы видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин расквашиваться в своем интересе к „политике“; если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобре-

⁹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. III. М., 1957, с. 623.

¹⁰ Там же, с. 627—628.

¹¹ Там же.

тал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей».¹²

Политическая власть в руках господствующего класса на различных исторических этапах общественного развития может выступать в качестве могучего орудия прогресса или реакции. Сама логика вещей обуславливает политическую борьбу и захват государственной власти. Плеханов раскрывает ступени и пути постепенного осознания угнетенным классом роли политической борьбы в своем экономическом освобождении. Осознав это, угнетенный класс «знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которую можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет».¹³

Но это путь долгой суровой борьбы. «Так называемая революция, — делал вывод Плеханов, — есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой политической».¹⁴ В своих работах Плеханов наиболее полно и аргументированно обосновал марксистские позиции по вопросу о роли политической борьбы в обществе. «Политика, — писал он, — есть орудие классовой борьбы».¹⁵

Среди видных учеников и последователей Маркса Плеханову принадлежит заслуга глубокого анализа классового характера идеологии в обществе. Интересы класса и борьба за них определяют его идеологию, а также особенности ее. «Каждый класс, — замечает Плеханов, — всегда прекрасно, хотя и бессознательно, приспособляет к своим экономическим нуждам свои „идеалы“. Но это приспособление может произойти различным образом, и почему оно совершается так, а не иначе, это объясняется не положением данного класса, взятого в отдельности, а всеми частностями отношения этого класса к его антагонисту (или к его антагонистам). С появлением классов

¹² Там же, т. I, с. 80.

¹³ Там же, с. 83.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, т. III, с. 530.

противоречие становится не только движущим, но и формирующим началом».¹⁶

Плеханов к этому положению дает следующее примечание: «Казалось бы, какое отношение к борьбе классов имеет история такого искусства, как, положим, архитектура, а между тем и она тесно связана с этой борьбой».¹⁷

В своих работах Плеханов скупно, в общем плане, анализирует проблему возникновения государства. Несколько замечаний мы находим в работах «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории», а в «Истории общественной мысли» этот вопрос поднимается так или иначе в связи с происхождением самодержавного государства в России.

В работе «О материалистическом понимании истории» эта проблема анализируется Плехановым в связи с рассмотрением взглядов А. Лабриолы на государство. Он оспаривает положение последнего о том, что государство является организацией господства одного общественного класса над другим или над другими. Этот тезис, по мнению Плеханова, «едва ли выражает полную истину».¹⁸ Полемизируя с Лабриолой, он стремится на первое место при решении вопроса о возникновении государства поставить нужды общественного развития, а затем уже вопрос о государстве как организации господства привилегированного меньшинства над более или менее поработанным большинством. Плеханов ссылается на Китай и Древний Египет, где «...возникновение государства может быть в весьма значительной степени объяснено непосредственным влиянием нужд общественно-производительного процесса».¹⁹ Касаясь Греции, он подчеркивает: «И там это возникновение должно быть в значительной степени отнесено на счет необходимости общественного разделения труда, вызванной развитием общественных производительных сил».²⁰

Правда, в «Основных вопросах марксизма» Плеханов, касаясь античных государств в период рабовладельчества, писал, что главной их отличительной чертой являлось то,

¹⁶ Там же, т. I, с. 666.

¹⁷ Там же (прим.).

¹⁸ Там же, т. II, с. 249.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

что каждое из них было политической организацией господствующего класса.

Плеханов подчеркивает, что государство по необходимости возникает в результате развития производительных сил в той или иной конкретике естественных условий страны. Это верно, конечно, но главным и решающим в характеристике государства является его классовая роль, при которой оно выступает в качестве орудия господства одного класса над другими классами. Вот эта классовая специфика государства отстает у Плеханова на второй план; на первый план он выдвигает нужды общественно-производительного процесса в естественных конкретных условиях (Китай, Индия).

В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов в подкрепление своего взгляда ссылается на примечание Маркса в «Капитале», где последний говорит, что естественным основанием государственной власти в Индии было регулирование притока воды. Это так. Но ведь здесь говорится об естественном основании, а не о социальной природе государства и его классовой сущности, а следовательно, о социальных причинах происхождения его. Конечно, государство с неизбежностью возникает в обществе, разделенном на классы. Оно выполняет поэтому определенные общественные функции, что используется в своих интересах господствующим классом. Касаясь проблемы происхождения русского самодержавного государства, Плеханов отдает дань взглядам историка Соловьева, когда вслед за ним заявляет, что географическая среда (степи, лес) определила собой возникновение централизованного государства, которое должно было противостоять нападением кочевых народов с юга и предохранить от них население, его труд. Этот взгляд не выражает полной истины. Возникшие классовые общественные отношения обусловили возникновение централизованного самодержавного государства. Это положение не исключает выполнения общественных функций государства в условиях классового антагонизма и признания влияния географической среды на темпы развития и известным образом на характер возникновения государства.

Методологическая нечеткость и неправильность в решении вопроса о происхождении государства у Плеханова так или иначе перекликается с последующим (в период

империалистической войны) ложным утверждением о том, что наряду с борьбой классов при анализе исторического процесса следует учитывать фактор сотрудничества классов.

В своем произведении «История русской общественной мысли» он формулирует ложное, немарксистское положение о сотрудничестве классов наряду с классовой борьбой как факторе, обуславливающим исторический процесс; правда, это сотрудничество он ограничивает временем войн, когда речь идет о защите страны от внешних нападений. «Ход развития всякого данного общества, — пишет Плеханов, — разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их *взаимной борьбой* там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным *сотрудничеством* там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений».²¹

Возведение вопроса о сотрудничестве классов, хотя бы в период войны, во всеобщий фактор, является ошибочным, послужившим теоретическим обоснованием оппортунистической позиции Плеханова в период империалистической войны. Во всемирной истории, конечно, на отдельных ее конкретных отрезках существует и сотрудничество тех или иных классов. Оно приобретает различный исторический смысл, зависящий от целого ряда конкретно-исторических обстоятельств. Но это сотрудничество классов в антагонистическом обществе отнюдь не является даже частным законом, относящимся ко времени войны во всех обществах. Тезис Плеханова неверен.

Вместе с тем классовая борьба как основа всех общественных процессов четко формулируется Плехановым в целом ряде произведений его доменьшевистского прошлого. Во все эпохи шла борьба классов за политическую власть. «Чему учит нас в этом случае история? — спрашивает Плеханов. — Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречие интересов этих классов неизбежно приводило к борьбе за политическое господство... Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства

²¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, т. I, СПб., 1914, с. 11; То же: Соч., т. XX. М., 1925, с. 13.

класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития».²²

Следует сказать, что даже в период меньшевизма Плеханов мы находим у него и правильные решения по вопросу о роли классовой борьбы.

Большой исторической заслугой Плеханова является критика народнических воззрений на политическую борьбу и государство. В своих произведениях «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» он полемизировал с Бакуниным и другими, показывая их родство в указанном вопросе с Прудоном. «С анархической точки зрения, — писал Плеханов, — политический вопрос является пробным камнем всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицают всякие сделки с современным государством, но исключают из своих представлений о „будущем обществе“ все, что напоминает так или иначе государственную идею».²³

Плеханов раскрывает внутренние логические связи, которые существуют между анархическими взглядами Прудона на государство и воззрениями Бакунина и его последователей. Касаясь отношения анархизма к будущему социалистическому государству, он замечает: «Анархист отрицает созидательную роль государства в социалистической революции именно потому, что не понимает задач и условий этой революции».²⁴

В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов устанавливает, что практика народничества опровергла теорию Бакунина. Он подчеркивает, что «примеры перерастания теории практикой очень нередки в истории человеческой мысли вообще и революционной мысли в частности».²⁵ В противоположность Бакунину народо-вольцы в своей практике признавали необходимость политической борьбы, но вели ее в односторонней форме, не отрицая, однако, возможности использования для своих целей государства. «Народничество, — пишет Плеханов, — стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народо-вольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины».²⁶

²² Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 76.

²³ Там же, с. 58.

²⁴ Там же, с. 60.

²⁵ Там же, с. 66.

²⁶ Там же.

Обоснованной критике Плеханов подверг концепции анархизма в своей работе «Анархизм и социализм», изданной в 1894 г. на немецком языке. Анализируя позицию анархистов по вопросу о государстве, он убедительно показал ложность их требования об уничтожении государства, в том числе социалистического. Теоретическая полемика Плеханова с идеологами анархизма — Штирнером, Прудоном и Бакуниным была ценной и имела определенное историческое значение.

Работа Плеханова вышла в Лондоне в 1895 г. с предисловием Э. Маркс-Эвелинг. В письме к Георгию Валентиновичу дочь Маркса писала об удовольствии, доставленном ей этой работой, и что она увидела в ней «la férule de mon père» (руку своего отца).²⁷ Но, как отмечает Ленин, Плеханов в полемике обошел важнейший вопрос о необходимости разбить, уничтожить буржуазную государственную машину, не ставит вопроса о создании нового, социалистического государства.

Эта брошюра вышла третьим изданием в 1911 г. с предисловием Плеханова, который писал в нем: «Анархизм умирает, но он ни в каком случае не принадлежит к тем мертвым, в суждениях о которых позволительно следовать латинскому правилу *de mortuis aut bene aut nihil*».²⁸ Заметим, что В. Д. Бонч-Бруевич в письме к жене Плеханова — Розалии Марковне — писал, что Ленин в 20-х годах в период борьбы с анархистами говорил ему о необходимости переиздать брошюру Плеханова.²⁹

Игнорирование Плехановым в этой брошюре вопроса о сломе буржуазной государственной машины, видимо, было обусловлено тем, что Каутский и другие руководи-

²⁷ Архив Дома Плеханова, ф. 1094, оп. 1, ед. хр. 7, доп. к с. 400.

²⁸ Плеханов Г. В. Философско-литературное наследие. Т. II. М., 1973, с. 71.

²⁹ В. Д. Бонч-Бруевич в письме 13 октября 1931 г. писал Р. М. Плехановой: «Вы знаете, до какой страсти доходила полемика между покойным Владимиром Ильичем и покойным Георгием Валентиновичем? Но я знаю наверное, что до самых последних сознательных дней своих Владимир Ильич бережно относился к памяти Георгия Валентиновича и ко всему, что он написал. В разгар спора с анархистами в 1920 г. Владимир Ильич лично мне говорил: „Надо сейчас же, немедленно переиздать брошюру Георгия Валентиновича об анархистах“» (Архив Дома Плеханова, ед. хр. В-62-21).

тели немецкой социал-демократии отходили в указанном вопросе от марксистского решения, считая, что борьба против современного государства — это анархизм, задача социал-демократии будто бы сводится к завоеванию современного государства. Именно к этому времени относятся полемические письма Ф. Меринга Каутскому по поводу отрицания последним исторической неизбежности уничтожения буржуазной государственной машины и сведения понятия диктатуры пролетариата к понятию буржуазной парламентарной республики.

В своем более раннем произведении — «Социализм и политическая борьба» Плеханов весьма четко ставит вопрос о захвате рабочим классом политической власти, указывая, что «представители угнетенного класса или классов будут стремиться выбить из рук своих противников и обратив против них это страшное оружие. Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государственной власти...».³⁰ Угнетенный класс может и должен перестроить государство, которое служит господствующим классам. «Достигший политического господства революционный класс, — пишет Плеханов, — только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält! — говорит Фауст».³¹ Это диктатура пролетариата. Но она далека от диктатуры группы революционеров, это будет диктатура класса.

Плеханов ставит вопрос о том, что во главе политического переворота рабочим классом современных общественных отношений должна стоять революционная партия, но не группа заговорщиков. Он подверг критике позиции русского бланкизма. Внимание бланкиста, — замечает Плеханов, — «...сосредоточено прежде всего на заговоре с целью захвата власти. Он не заботится о развитии общественных сил, о создании таких учреждений, в результате которых явилась бы невозможность возврата к старому режиму... Он не считается с историей, не строится понять ее законы и направить сообразно с ними свою революционную деятельность; он просто заменяет

³⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 81.

³¹ Там же, с. 101.

историческое развитие своей конспираторской споровкой».³²

Критикуя взгляды Ткачева, Плеханов вслед за Энгельсом отмечает одностороннее, субъективистское понимание им политической борьбы, игнорирование ее объективного основания. Революционеры, замечает он, должны понять, что «если люди развертывают зонтики, когда идет дождь, то из этого еще не следует, что дождь может быть вызван развернутыми зонтиками; скоро они убедятся, что если „захват“ политической власти есть неизбежное следствие развития рабочего, как и всякого другого класса, то отсюда еще никак нельзя заключить, что достаточно „революционерам из привилегированной среды“ захватить власть, чтобы сделать трудящееся население России способным к совершению социалистического переворота».³³ Необходимо созревание объективной и субъективной сторон исторического процесса.

Плеханов до конца своей жизни в теории стоял на марксистской позиции признания диктатуры пролетариата. В своей критике Бернштейна, Струве и других ревизионистов он четко ставил вопрос об исторической неизбежности установления пролетариатом своей власти. Выступая против Бернштейна, противопоставившего тезису Маркса о диктатуре пролетариата буржуазный парламентаризм, Плеханов указывал, что «называть фразой указание рабочим на необходимость диктатуры их класса может только тот, кто утратил всякое представление об „окончательной цели“ (Endziel) и думает лишь о „движении“ (Bewegung)... в сторону буржуазного социализма».³⁴

В своих статьях «Критика наших критиков» Плеханов подверг обоснованной критике позиции ревизионизма по вопросу о диктатуре пролетариата, в особенности взгляды бывшего «легального марксиста» П. Струве, опрокинул все его теоретические выводы о притуплении противоречий и классовой борьбы в капиталистическом обществе.³⁵

³² Там же, с. 127.

³³ Там же, с. 225.

³⁴ Там же, с. 101.

³⁵ Любопытно заметить, что Струве еще в 1899 г. самым резким образом оценивал выступление Плеханова против Бернштейна. В своем письме Потресову от 2 февраля 1899 г. он писал: «Полемика мониста против Бернштейна и К. Шмидта прямо позорна, и я думаю, что Каутский сделал большую ошибку, не отговорив от нее мониста. Философски она крайне слаба, до

В своем выступлении «Наши программы и наши временные задачи» уже после разрыва с большевиками он говорил, что диктатура пролетариата исторически необходима. «Ревизионисты против того, что называется *насищенной революцией*, а ортодоксы все более и более проникаются тем убеждением, что без нее не обойдется. Но *характер* господства, — а диктатура и есть господство, — не изменяется, по крайней мере *существенно* не изменяется от того, каким путем пришли к нему. *Все дело в том, что оно необходимо*».³⁶

Статьи Плеханова против Струве представляют собой глубоко обоснованное марксистское произведение, в котором рассмотрены многие аспекты классовой борьбы, дана исчерпывающая критика «теории притупления» классовых противоречий и раскрыт вопрос об исторической неизбежности диктатуры пролетариата. Его выводы были убедительны и неотразимы. Плеханов в обоснование своей точки зрения широко использовал статистический материал капиталистической экономики.

Выступление Плеханова против Струве явилось результатом влияния на него Ленина в период совместной их работы.³⁷

Но, как мы видели, Плеханов в период меньшевизма практически отходил от своей правильной теоретической позиции. Больше того, в некоторых случаях он искажал марксистскую точку зрения. И вместе с тем следует заметить, что по некоторым весьма важным теоретическим и политическим вопросам Плеханов продолжал отстаивать марксистские позиции. Мы имеем в виду прежде всего его статью «Патриотизм и социализм», представ-

детскости, морально — омерзительна, что и дал понять Шмидт в своем очень хорошем ответе. Внутреннее положение мониста крайне печально и глубоко трагично. Трагизм его заключается в том, что он отстаивает совершенно безнадежные позиции: 1) ортодоксальный взгляд на общественную эволюцию, 2) материализм, который никому и ни на что не нужен, 3) гегельянство (диалектика и проч.), тоже абсолютно ни к чему не нужное и совершенно несостоятельное. Все это реквизиты ортодоксии, которая держится только тем, что она стала дорогой традицией, т. е. консерватизмом человеческих мозгов» (Социал-демократическое движение в России, т. I, 1928, с. 348).

³⁶ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. I. М., 1973, с. 89.

³⁷ См.: Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.—Л., 1963, с. 138—140.

ляющую собой ответ Плеханова на анкету журнала «*La vie socialiste*», опубликованную в июне 1905 г.

Эта статья, несмотря на отдельные неправильные или неточные положения, принадлежит к весьма важным решениям сложного вопроса о патриотизме, интернационализме и борьбе пролетариата против империалистической войны в тот период. Впоследствии Плеханов в годы империалистической войны в сущности перечеркнул все позитивное содержание статьи, заняв резко противоречащую ей позицию.

В своем ответе на анкету Плеханов полемизирует с Жоресом, Эрвэ и Бернштейном. Он не соглашается со взглядом Жореса, который считал, что Маркс и Энгельс, выдвинув тезис о том, что рабочий класс не имеет отечества, высказали в этом случае свое негодование по поводу бесправного положения пролетариата в буржуазном государстве. Не соглашается Плеханов и с Бернштейном, который еще более открыто занял социал-патриотическую точку зрения. Выходит, делает вывод Плеханов, что «*интернационализм должен отступать по мере успехов интернационального рабочего движения*. Мне кажется, что дело происходит как раз наоборот, что интернационализм все глубже проникает в сердце пролетариев и что теперь его влияние на них сильнее, чем это было в эпоху появления „Манифеста Коммунистической партии“».³⁸

Плеханов следующим образом объясняет взгляд основоположников марксизма: «Слова „рабочие не имеют отечества“ написаны были в ответ идеологам буржуазии, обвинявшим коммунистов в том, что те хотят „уничтожить отечество“. Ясно, стало быть, что у авторов Манифеста речь шла об „отечестве“, понимаемом в совершенно определенном смысле, т. е. в том смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи. Манифест объявил, что *такого* отечества рабочие не имеют. Это было справедливо в то время; это остается справедливым теперь...».³⁹ Продолжая развивать свое понимание, Плеханов говорит, что «в настоящее время, в царстве *капитализма* „отечество“ служит не только выражением духовных особенностей различных народов, но также — и более всего — *выражением национальной исключительности*,

³⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III, с. 90.

³⁹ Там же.

взаимного недоверия между народами и угнетения одного народа другим». ⁴⁰ «И напрасно думает Жорес, что отрицательное отношение к идее отечества тождественно с равнодушием к культурным приобретениям народа. Именно успехи культуры и приводят людей к пониманию узости этой идеи». ⁴¹

Плеханов подчеркивает диалектическое соотношение понятий патриотизма и интернационализма в следующих справедливых словах: «современный социалистический интернационализм вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны, но он совершенно несовместим с готовностью поддерживать родную страну там, где ее *интересы приходят в противоречие с интересами революционного человечества, т. е. современного международного движения пролетариата, т. е. прогресса*. Интересы этого движения представляют собой ту высшую точку зрения, с которой современный социалист, не желающий изменить своим взглядам, должен оценивать все международные отношения как там, где ими выдвигаются вопросы *войны и мира*, так и там, где речь заходит о *коммерческой политике вообще и о „колониализме“ в частности*. Для такого социалиста *salus revolutiae — suprema lex*». ⁴²

Это безусловное марксистское положение было «забыто» Плехановым в период империалистической войны. В указанной статье Плеханов писал по поводу приведенного выше положения, что оно представляет общую формулу, не содержащую в себе готового ответа для каждого частного случая. Эта последняя теза послужила для него позже известным обоснованием для перехода на иные позиции. При решении вопроса о своей позиции в империалистической войне 1914 г. он софистически пытался обосновать особый случай оборонительного характера войны со стороны России.

Но остается фактом, что в период 1905 г. Плеханов, будучи меньшевиком, еще находил в себе силы для правильного решения столь важного в теоретическом и политическом отношении вопроса.

⁴⁰ Там же, с. 91.

⁴¹ Там же, с. 92.

⁴² Там же, с. 95.